

УДК 330.332

БАГОМЕДОВ МАГОМЕД АЛИЕВИЧ

к.э.н., заведующий отделом ФГБУН

«Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН»,

e-mail: bagron18@yandex.ru

**МОДЕРНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ В ПРОБЛЕМНЫХ РЕГИОНАХ СКФО¹**

Аннотация. Цель работы. Разработка мер модернизации социальной сферы в целях повышения экономической безопасности развития проблемных регионов СКФО. **Метод или методология проведения работы.** Методом аналитических обобщений проведён сравнительный анализ влияния на экономическую безопасность страны несоответствия развития социальной сферы проблемных регионов (республик СКФО) обостряющимся глобальным вызовам. **Результаты.** Выявлены территориальные конкурентные преимущества и проблемы развития экономики и социальной сферы в регионах Северного Кавказа. Определены приоритеты развития в условиях финансового кризиса и меры по модернизации социальной сферы проблемных регионов (Республик: Дагестанской, Чеченской, Ингушетии, Алании, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии в составе СКФО) с позиций роста качества жизни местного населения и обеспечения экономической безопасности при переходе региональной экономики в режим инновационного развития. Обеспечение свободного перелива капитала из производственных отраслей экономики в высококоррентабельный платный сектор социальной сферы обеспечило бы снижение его оттока из экономически проблемных регионов в развитые регионы страны. В условиях глобализации, перманентных экономических и финансовых кризисов на мировых и локальных рынках, т. е. в условиях интеграции России и её регионов в нестабильное мировое экономическое пространство, особые меры модернизации социальной сферы должны стать важным условием обеспечения экономической безопасности долгосрочного устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития проблемных регионов. **Область применения результатов.** Результаты исследования могут быть использованы органами власти при формировании региональной социально-экономической политики с целью обеспечения экономической безопасности модернизации социальной сферы проблемных регионов СКФО. **Выводы.** Проведенное исследование теоретических и методологических аспектов экономической безопасности формирования экономически проблемных регионов показывает, что причиной их появления является не отставание в росте ВРП, а то, что превалирование теневого обращения в условиях социально-правового вакуума становится основным способом обращения региональных рынков.

Ключевые слова: экономическая безопасность, глобализация, проблемный регион, кризисы, государство, региональная политика, экономическая политика, стратегия, социально-экономическое развитие, субъект федерального округа.

BAGOMEDOV MAGOMED ALIEVICH

Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of FSBIS

“Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS”,

e-mail: bagron18@yandex.ru

**MODERNIZATION OF SOCIAL SPHERE AND ECONOMIC
SAFETY IN PROBLEMATIC REGIONS OF NCFD**

Abstract. The goal of the paper. Developing measures of modernization of the social sphere in order to improve the economic security of development of the problem regions of the NCFD. **The method or methodology of performing work.** The method of analytical generalizations

---

¹ Исследование выполнено в рамках раздела «Национальная экономическая безопасность России в условиях обострения объективных и инициированных рисков и угроз» Комплексной программы фундаментальных научных исследований Отделения общественных наук РАН.

was used and a comparative analysis was performed of impact of the mismatch of the development of the social sphere of problem regions (of republics of the NCFD) to the intensifying global challenges on the economic security of the country. **The results.** Territorial competitive advantages were found, as well as were the problems of development of the economy and the social sphere in the regions of the North Caucasus. The priorities of development in the conditions of the financial crisis were determined, and measures on modernization of the social sphere of the problem regions (of the Republic of Dagestan, Chechen Republic, Ingushetia, Alania, Kabardino-Balkaria, Karachaevo-Cherkessiya as part of the NCFD) from the vantage point of the growth of the quality of life of the local population and providing economic security when transitioning of the regional economy towards the mode of innovative development. Providing free flow of capital from the production industries of the economy into a highly profitable fee-paying sector of the social sphere would provide for the reduction of its outflow from the economically problematic regions into the developed regions of the country. In the conditions of globalization, permanent economic and financial crises in the world and local markets, that is, in the conditions of integration of Russia and its regions into the unstable international economic space, special measures of modernization of the social sphere have to be an important condition of providing economic security of a long-term sustainable and balanced social-economic development of the problem regions. **The area of application of the results.** The results of the study may be used by the governmental authorities when forming a regional social-economic policy in order to provide for the economic security of modernization of the social sphere of the problem regions of the NCFD. **Conclusions.** The study performed of theoretical and methodological aspects of the economic security of forming the economically problem regions shows that the reason for their appearance is not the lag in the growth of the GRP but the fact that the prevalence of the shadow turnover in the conditions of a social-legal vacuum becomes the main means of circulation of the regional markets. **Keywords:** an economic security, globalization, a problem region, crises, the state, a regional policy, an economic policy, a strategy, social-economic development, an entity of the federal district

Введение

Несмотря на существенный технико-технологический прогресс, привносимый глобализацией по всему мировому хозяйству и приводящий к повышению социально-экономической безопасности в последнее десятилетие, тем не менее, далеко не все проблемы безопасности устойчивого развития республик Северного Кавказа уже решены [17, с. 44–46]. Мировое экономическое пространство обретает новое качество — трансформируется в целостную глобальную систему, в которой национальные хозяйства становятся составными частями единого экономического организма, управляемого несколькими взаимосвязанными финансовыми группами. В результате стирается грань между внутренней и внешней средой деятельности, меняется соотношение влияния эндогенных и экзогенных факторов на траекторию развития отдельных национальных хозяйств, но принципиальное значение приобретают степень и методы эксплуатации национальных экономик и доступ к современным технологиям производства и обеспечения высокого уровня качества жизни в отдельных регионах, приводящие к опережающему или проблемному их развитию, и уже эти вопросы выходят на повестку проблем национальной социально-экономической безопасности [21, с. 134–136].

В связи с этим исключительное значение приобретает структурный аспект обеспечения безопасности взаимодействия экономик северокавказских регионов через экономику России с экономикой глобальной. Возникает необходимость в подходе к проблеме обеспечения социально-экономической безопасности страны, во главу угла которого поставлена стратегическая задача по формированию социально-ориентированного государства, чьим главным приоритетом должно быть достижение качества жизни российских граждан на уровне стандартов жизни постиндустриальных стран [19, с. 15–26]. На эту стратегическую цель накладывается объективная воспроизводственная трансформация региональных экономик в процессе преобразования национальной и мировой экономик в единое пространство, развивающееся по своим законам [22, с. 57–62]. Такой подход особенно важен в связи с тем, что усиление интеграции России с мировым экономическим пространством в настоящее время сопровождается усилением неравенства и эксплуатации трудовых и природных ресурсов северокавказских регионов

России и негативной для экономически проблемных регионов трансформацией региональной структуры российского производства [35, с. 139–143].

Без учета территориальных закономерностей безопасного развития экономики страны на фоне глобальной экономической системы, тенденций её развития и факторов дифференциации экономик отдельных регионов по уровню развития в её рамках все разработки по стратегическим проблемам экономической безопасности регионов России будут малоэффективными.

Практическая и теоретическая значимость проблемы обеспечения социально-экономической безопасности стратегических планов РФ через стимулирование модернизации социальной сферы догоняющее развитие её экономически проблемных регионов, а также необходимость её разработки с учетом структурного взаимодействия российской экономики с глобальной экономикой и обусловили актуальность темы данного исследования.

1. Выявлены территориальные конкурентные преимущества и проблемы развития экономики и социальной сферы в регионах Северного Кавказа.

Среди многообразия восьми десятков регионов единого экономического пространства России есть несколько экономически проблемных регионов с объективно обусловленными «неразрешимыми» в течение десятков лет хозяйственными проблемами, вытекающими из особенностей их природно-исторического развития и территориального расположения, не учитываемых единообразной консервативной центростремительной политикой территориального управления экономикой страны [18, с. 99–106]. К этим регионам однозначно и априори можно отнести все республики Северного Кавказа с их «неразрешимыми» в течение десятков лет хозяйственными проблемами: стагнирующей неконкурентоспособной реальной экономикой, бюджетной несостоятельностью, молодежной безработицей, социально-экономическим неравенством, этно-конфессиональными конфликтами, существенно снижающими безопасность планов социально-экономического развития. Мы подходим к рассмотрению экономической безопасности страны в условиях сильного государства как к безопасности обеспечения его стратегических планов комплексного территориально-отраслевого социально-экономического развития. Он отличается от общепринятого «кризисного» подхода к оценкам экономической безопасности по степени превышения пороговых значений.

Основные территориальные конкурентные преимущества развития экономики и социальной сферы в регионах Северного Кавказа лежат в сфере сельского хозяйства, рекреации, подготовки трудовых ресурсов [13, с. 119–123]:

— это самые южные регионы России с достаточно тёплым умеренно-континентальным климатом, наибольшей продолжительностью солнечных дней и возможной вегетации сельскохозяйственных культур;

— этноэкономика его народов нацеливает население на более высокие стандарты жизни и, соответственно, предприимчивость в поисках заработка [52, с. 47–56];

— здесь самая высокая в стране продолжительность жизни населения в сочетании с положительным естественным приростом населения обеспечивает значительную трудоизбыточность [8, с. 353–365];

— высокое природно-климатическое и почвенное разнообразие;

— достаточно высокий уровень образования населения [49, с. 9–10];

— прикаспийское территориальное расположение в перспективных международных транспортных коридорах север-юг и «шелковый путь».

Среди основных причин неразрешимости проблем неравномерного развития и экономического отставания северокавказских республик можно отметить:

— теневую экономику [16, с. 59–61];

— политическую нестабильность;

— отсутствие значительного природно-экономического потенциала;

— низкий уровень межотраслевой диверсификации и зависимость от внешних рынков, в т. ч. зарубежных;

— недоступность современных технологий глобализации;

— неблагоприятные инвестиционно-финансовые условия [15, с. 48–49].

— недостатки производственных отношений и производственной культуры, обусловленные историческими мультикультурными противоречиями развития социокультурных особенностей [29, с. 83–85];

— неблагоприятные демографические тенденции, не соответствующие хозяйственному тренду (высокий естественный прирост населения при стагнирующем снижении реального производства).

Сам факт существенного (многопорядкового) отставания в социально-экономическом развитии большинства регионов и их территорий делает невозможным реализацию конституционных прав проживающих на данной территории на социальные блага в объёмах, принимаемых общественным сознанием за норму в других регионах и в Москве, что чревато ростом социальной напряженности в проблемных регионах и способствует миграциям населения (и напряженности) в более развитые регионы.

Возникающие в ходе многоаспектного развития любого экономического пространства территориальные диспропорции вызываются как объективными, так и субъективными факторами. Выравнивание межрегиональных различий в уровне жизни и развитии экономики является условием политической стабильности, поскольку она возникает на базе социально-политической однородности, а последняя невозможна при высоком социально-экономическом неравенстве территорий и субъектов, проживающих на них. Создание политически стабильного общества, формирование социально-ориентированной и устойчиво функционирующей рыночной экономики невозможно без модернизации экономики, т. е. без решения проблем преодоления кризисных явлений, проявляющихся в превышении порогов безопасности и в отставании в развитии экономики и качестве жизни населения отдельных территорий [23; 29, с. 83–85]/

Для обеспечения социально-политической безопасности народов, населяющих Россию, государство должно способствовать сохранению целостности своих территорий, преодолению сепаратистских тенденций, заложенных в федеральном устройстве. Центробежные силы помимо субъективного фактора стремления к большей власти национальных элит вызываются объективными факторами противоречия экономических интересов, связанными с существующей между регионами разницей в уровне материальной и бытовой культуры, сложившихся экономических отношений и практики правоприменения, с миграционной опасностью из-за существенной разницы в качестве жизни населения. Для обеспечения социально-экономической безопасности государство должно оказывать помощь проблемным в социально-экономическом отношении регионам в решении их ключевых проблем [30, с. 322–331].

Однако есть большое количество регионов, получавших длительное время значительные централизованные (государственные) инвестиции в развитие своих производств, но так и не вышедшие на траекторию устойчивого роста реальной экономики. К этой категории относятся и все республики СКФО, где значительные средства вкладывались и в поддержку промышленного производства, и в поддержку сельского хозяйства, но они так и не вышли из состояния стагнации [35, с. 139]. То есть регионы, где не просматривается прямая зависимость «вход – выход», являются «проблемными», требующими определения причин и разработки особых мер их преодоления. Априори можно выдвинуть гипотезу, что проблемные регионы — это те регионы, где слишком высокий гнёт теневой экономики не позволяет рыночным механизмам привести их экономику в сбалансированное состояние эффективного самофинансирования стратегического развития к постиндустриальной экономике. Но буквально в 2014 г. Банк России вкуче с правительством в угоду интересам финансовой элиты (а это тоже теневая экономика) осуществил обвал рубля и буквально поменял постиндустриальную (спросовую) модель развития России на схлопывающуюся модель ограничения потребления секвестированием стратегических социальных обязательств государства. При этом доход финансовой элиты от валютной спекуляции, составивший 3 триллиона рублей, в конечном итоге обернулся потерей десятков триллионов рублей в стратегическом развитии России [16, с. 59–61].

Соответственно официальной миссии, экономическая политика руководства проблемного региона должна предусматривать в качестве главной цели коррекции долгосрочной стратегии социально-экономического развития региона скорейшее повышение уровня и качества жизни населения через проведение комплекса антикризисных мер по первоочередному преодолению

ключевых проблем (узких мест) социально-экономического развития региона на всех уровнях управления и, прежде всего, в тех отраслях социальной сферы проблемного региона, где не достигнуты пороговые значения безопасности для стратегического развития [25, с. 239].

Для выбора ориентиров региональной политики должна быть методологически обоснована и сформирована система индикаторов отнесения регионов к категории проблемные по состоянию развития. Обычно для оценки уровня развития региона используется критерий ВРП на душу населения. Однако данный показатель отражает по сути уровень развития и только стоимостную оценку рыночного оборота (производства) товаров и услуг. Более уместным представляется комплексный показатель, состоящий из отдельных блоков: отставание развития реальной экономики, эффективность инвестиций, мультикультурная аутентичность населения, эффективность занятости, уровень доступности занятости, значение теневой экономики и уровень застойности в кадрах управления, — в каждом из которых отражается обеспечение тех видов безопасности, которые, являясь относительно мало изученными компонентами экономической безопасности, однако составляют в сумме представление о явлении проблемности [32, с. 230].

Наибольшие разногласия в методологии экономических исследований вызывает вопрос, что брать за базу для сравнения. В идеале, к примеру, по структуре доходов населения прочие доходы должны стремиться к нулю. Однако все понимают, что идеальной нормативной экономики не существует, но есть страны и регионы, где ситуация к ним приближена, прежде всего, в связи с более высоким уровнем развития реальной экономики, обеспечивающим трудовые доходы от заработной платы, достаточные для обеспечения качества жизни на уровне мировых стандартов (принятого в мире их максимума). Это границы доходов (пределы) категории высший средний класс с уровнем доходов на семью от 2,5 до 4 млн руб. в год (40–70 тыс. долл. в год) [20, с. 9].

Мы являемся свидетелями того, что именно в таких странах и регионах минимальна коррупция (Сингапур, Норвегия, Дания, Швеция, Финляндия, а в России это Тюменская область и входящие в неё Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа), самое счастливое население и растет продолжительность жизни. Поэтому в идеале для межстрановых сравнений Россию надо ориентировать на Норвегию, которая очень похожа по экономическим условиям и международной специализации, а для межрегиональных сравнений для всех регионов России идеальным эталоном является Тюменская область [33, с. 25].

С такой постановкой вопроса определить перечень проблемных регионов можно относительно просто по ведущей доле прочих доходов в структуре денежных доходов на душу населения (потребительский критерий) или по объёму централизованных дотаций на душу населения (производственный критерий) [37, с. 339].

Гораздо сложнее определить институциональные механизмы и объём средств, необходимых каждому региону для выхода из порочного состояния [40]. Кроме того, существует множество показателей социально-экономической безопасности, по большинству из которых в проблемных регионах не достигнуты пороговые значения, в частности, превышает пороговые значения 10% зарегистрированная безработица в Республике Ингушетия и большинстве сельских районов Республики Дагестан и Чечни. В то же время профессиональная безработица среди молодежи до 30 лет превышает 25% от её численности во всех республиках Северного Кавказа. Преодоление этих значений также необходимо было бы учесть при определении критерия преодоления отставания, и они являются основой для выделения дополнительных направлений финансирования в случаях, если средства, выделенные по основному направлению проблем преодоления отставания (по эффективной занятости населения), не будут способствовать преодолению этих пороговых значений.

По критерию доля прочих (в т. ч. теневых) доходов в структуре денежных доходов населения самым проблемным федеральным округом является Северо-Кавказский (41,9% в 2014 г.), а самым проблемным регионом является Республика Дагестан (51,3%) [48, с. 218–221]. Во всех регионах СКФО и ЮФО в 2014 г. прочие доходы были самым большим источником денежных доходов населения. В «нормальных» странах и регионах главным источником денежных доходов населения является заработная плата, превышающая 60%. При этом заработная плата бюджетников с учетом доплат незначительно уступает средней заработной плате по региону (табл.).

Показатели уровня и качества жизни по некоторым регионам страны в 2014 г. [48, с. 218–221]

Регион	Среднедушевые денежные доходы населения, руб. в месяц (место среди регионов России), руб.	Прожиточный минимум населения за IV квартал, руб.	Соотношение доходов и прожиточного минимума, раз	Среднемесячная начисленная номинальная зарплата, руб. в месяц	Доля других доходов (теневых) в денежных доходах населения, %, (в 1995 г. — для сравнения)	Коэффициент фондов, раз (Коэффициент Джинни)
1	2	3	4	5	6	7
Россия в целом	27766	8234	4	32495	26,2 (26,2)	16,0 (0,416)
Москва	54504 (4)	12542	5,3	61208	14,9 (56,4)	20,9 (0,452)
Московская область	34948 (9)	9150	4,4	38598	41,8 (19,1)	14,9 (0,398)
г. Санкт-Петербург	34724 (10)	8479	5,2	40697	24,3 (33,1)	18,7 (0,437)
СКФО	20692 (8)			20930	41,9	
Республика Дагестан	23423 (34)	7453	4,4	18194	51,3 (30,5)	13,3 (0,391)
Республика Ингушетия	14346 (81)	7396	2,0	20993	42,4	11,3 (0,367)
Кабардино-Балкарская Республика	16619 (77)	7357	2,9	20323	40,7 (27,7)	12,0 (0,376)
Карачаево-Черкесская Республика	16081 (80)	7339	2,8	19746	35,7	11,6 (0,371)
Республика Северная Осетия – Алания	19820 (65)	7284	3,3	20311	31,2	11,8 (0,373)
Чеченская Республика	19788 (66)	6771	3,5	21452	43,1	15,1 (0,408)
Ставропольский край	21590 (51)	7154	3,6	22597	34,3	13,7 (0,394)
Приволжский федеральный округ	24020 (6)			24601	32,1	
Ханты-Мансийский АО - Югра	41503 (7)	12135	3,9	57976	3,6 (13,0)	16,9 (0,423)
Ямало-Ненецкий АО	61252 (2)	14241	5	74489	1,4 (18,2)	17,6 (0,429)
Магаданская область	45846 (5)	15415	3,4	62152	2,2 (18,8)	14,0 (0,397)

По критерию производство ВРП на душу населения в 2013 г. десятью самыми проблемными регионами России являлись по порядку снизу: 1) Чечня; 2) Ингушетия; 3) Кабардино-Балкария; 4) Республика Тыва; 5) Калмыкия; 6) Республика Дагестан; 7) Республика Алтай; 8) Северная Осетия – Алания; 9) Адыгея; 10) Кировская область [48, с. 15–19].

По критерию инвестиции в основной капитал на душу населения в 2014 г./десятью самыми проблемными регионами России являлись по порядку снизу: 1) Ивановская область; 2) Кабардино-Балкария; 3) Ингушетия; 4) Адыгея; 5) Бурятия; 6) Курганская обл.; 7) Костромская обл.; 8) Алтайский край; 9) Кировская обл.; 10) Карачаево-Черкессия [48].

При анализе проблемного положения по округам можно выделить Северо-Кавказский федеральный округ как включающий больше всего (5) проблемных по производству ВРП регионов (республик). При анализе по денежным доходам населения в число самых проблемных

попало 2 региона из СКФО [50].

При том, что стартовые условия во всех округах были примерно одинаковыми (в СССР уделялось очень много внимания выравнивающему развитию регионов), отставание по производственному критерию самое большое на Северном Кавказе, а по уровню жизни — в Поволжье. Необходимо понять, в чём заключаются социокультурные причины проблемности территории по первому производственному критерию, ведь другие объяснения к республикам СКФО не подходят, это самые тёплые южные, самые плодородные продолжительные по вегетации, самые плотно населённые, самые здоровые по продолжительности жизни, расположенные на пересечении международных путей самые древние на территории страны по мировым религиям и политико-экономической культуре цивилизации. Видимо бич российского «зазеркалья» — теневая экономика здесь имеет большее значение из-за усиления патриархально-клановых связей в социальном обустройстве, что косвенно подтверждается тем, что по критерию денежных доходов населения Дагестан из разряда проблемных регионов перебрался в середняки на 34-е место [48, с. 15–19]. В строгом соответствии с теорией игр руководство регионов заинтересовано в признании их «проблем», поскольку это позволяет им рассчитывать на «выбивание» бюджетной поддержки Федерального центра [54, с. 239–240].

Таким образом, клановость или семейственность в управлении экономикой регионов с традиционным демографическим поведением, препятствуя механизмам оздоравливающей конкуренции рыночной экономики, становится источником проблемности, в первую очередь, территорий цивилизационных стыков, накладывающих дополнительные антикризисные тормоза на механизм ротации кадров.

Какие же регионы подпадают под понятие проблемный регион России? К ним относятся находящиеся на цивилизационных стыках Республики СКФО, Калининградская область, республики, края и области, граничащие с Монголией, Китаем, Японией и США. Недоплата бюджетникам при ключевом мультипликативном значении социальной сферы региона для формирования валового регионального продукта экономически проблемного региона служит причиной внутрирегиональных и межрегиональных противоречий. Именно происходящая модернизация социальной сферы региона в виде роста зарплаты бюджетников и инвестирование социальной инфраструктуры позволяет Дагестану и другим регионам СКФО увеличивать ВРП самыми быстрыми в России темпами, но и сохраняющееся в три раза отставание фактического уровня оплаты от необходимого является причиной проблем в социальной сфере, оказывающей существенное значение на сохраняющуюся проблемность региона [56].

Перечисленные проблемы в основных сферах экономики позволяют сделать вывод о том, что в настоящих условиях ресурсный потенциал республик СКФО не обеспечивает им возможности самостоятельного в пределах действующего федерального законодательства выхода из проблемного состояния [58, с. 135]. И также можно охарактеризовать ресурсный потенциал трёх десятков других экономически проблемных регионов, который при сложившихся институциональных условиях не позволяет им рассчитывать на повышение своей доли в ВВП России. Соответственно и социальная сфера экономически проблемных регионов финансируется не в полной мере. Таким образом, одним из главных ограничивающих ресурсов развития социальной сферы этих регионов является недостаточный их финансовый потенциал. В свою очередь, нормальный финансовый потенциал не сформировался из-за присущих проблемным регионам низких инвестиционных рейтингов.

Рост ВВП России в 2001–2010 гг. и доходов государства, обусловленный выгодной мировой конъюнктурой на энергоносители, позволил государству выдвинуть стратегическую задачу в ближайшие 15 лет вывести страну в категорию развитых стран по уровню и качеству жизни населения с соответствующей модернизацией общественного производства. Экономическая мощь государственной вертикали власти в России за эти 10 лет настолько окрепла, что в вопросах обеспечения социально-экономической безопасности страны смещаются акценты: если до 2000 г. главными проблемами были: сохранение государственности и территориальной целостности, предотвращение голода, сохранение бюджетной сферы, нищета основной массы населения, и, соответственно, индикаторы этих явлений превышали на большей части регионов (территорий) страны пороговые значения, то сейчас социально-экономическая безопасность России и её регионов должна оцениваться с позиций перспектив и угроз выполне-

нию стратегических планов вывода страны в категорию развитых стран по уровню и качеству жизни населения и соответствующей модернизации общественного производства [53, с. 439].

С этой позиции оценка слагаемых производительных сил регионов сохраняет своё существенное для экономической безопасности страны значение, но еще более актуальное значение приобретает оценка состояния производственных отношений, без реальной трансформации которых во всех регионах стратегическим планам России в целом не суждено сбыться. Важность учета производственных интересов различных групп населения и территорий подтверждается зарубежными примерами из прошлого и настоящего. В своё время маленькая провинция Вандея сгубила Великую французскую революцию, потому что отмена соляного таможенного сбора лишила дохода систему контрабандистов этой провинции. В настоящее время Италия, несмотря на все свои экономические достижения в государственном регулировании рыночной экономики, не может выйти в лидеры единой Европы, потому что её тянет вниз Сицилия и теневая экономика Юга [47, с. 43].

Также и в России существование теневой экономики, её доминирование во многих регионах разрывает единое экономико-правовое поле страны и ставит под сомнение выполнение стратегических планов модернизации экономики. Полукриминальная элита новой России все более сосредотачивает в своих руках механизмы власти, нивелируя показные усилия по борьбе с коррупцией и активизации механизмов конкуренции в большинстве проблемных регионах страны. Доступ к региональным рынкам производства товаров и услуг становится все более финансово затруднительным [45, с. 19–28].

Существовавшая и в советское время неравномерность территориального социально-экономического развития в условиях навязанной глобализацией однобокой специализации экономики России приобрела гораздо большие масштабы. Большинство регионов хронически отстает в социально-экономическом развитии от нескольких (Москвы, Санкт-Петербурга и энергоэкспортноориентированных). Особенно в этом отношении выделяются республики СКФО и ЮФО (Чечня, Ингушетия, Дагестан, Калмыкия, Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия), которые занимают последние места среди регионов России по показателям не только производства, но и уровня жизни: среднемесячной зарплаты, уровня занятости, жилищной обеспеченности, численности автомобилей, персональных компьютеров и телевизоров на 1000 жителей, объёму ВРП и промышленной продукции на душу населения [43, с. 339].

Понятие «проблемный регион в экономике страны», хотя оно и не получило особого применения в научной литературе, имеет важное значение для формирования экономической безопасности стратегической политики государства, направленной на формирование в стране развитой социально-ориентированной рыночной экономики, поскольку свидетельствует в определенной мере о препятствиях рыночной трансформации в данном регионе, о том, что не все его вновь созданные механизмы оказались адекватными своему предназначению [49, с. 10].

Поскольку информация о соотношении транзакционных издержек и общественно необходимых затратах в территориальном разрезе регионов России отсутствует, постольку мы предлагаем руководствоваться при определении отнесения региона к категории проблемный критерием — ниже медианы по регионам произведения индекса соотношения ВРП на душу населения к ВВП на душу населения по стране и индекса соотношения регионального и российского уровня прочих (незарегистрированных) доходов в денежных доходах населения. Если первый индекс будет корректировать критериальный показатель по уровню развития общественного производства в регионе, то второй должен отразить в нём, насколько эффективна институционально социально-экономическая система региона в плане построения развитой рыночной экономики. По этому критерию все регионы СКФО являются экономически проблемными, но самым экономически проблемным регионом является Ингушетия, а затем Республика Дагестан [46, с. 39].

По нашему мнению, проблемный регион нельзя отождествлять с экономически проблемным, которым следует считать регион с объективно объяснимым (природными, историческими, социальными и политическими факторами) сравнительно пониженным уровнем экономического потенциала и, как следствие, состоянием отставания социально-экономического развития, проявляющимся в течение продолжительного периода времени. В специфических усло-

виях зазеркалья России в категорию экономически проблемные попадают регионы с искаженным правоприменением, с более высокой долей теневой экономики, то есть там, где отсутствует прямая зависимость в пропорции «вход – выход» или «ресурсы – отдача» [35, с. 139].

Отнесение к категории экономически проблемный должно автоматически предполагать особый экономический режим государства по отношению к данному региону. Он имеет место в случае с содержанием социальной сферы Дагестана, когда она в течение последних 15 лет на 85% финансируется субвенциями центра, сохраняя единое в масштабах России социальное поле. Однако в экономической сфере особый экономический режим как раз и должен предполагать разрыв единого экономического поля через применение в проблемных регионах исключений из норм экономических законов, действующих в целом по стране [28, с. 479].

Такого рода исключения уже имели место в новейшей истории Дагестана в ходе приватизации (здесь был существенно снижен порог акционирования) и земельной реформы (здесь не была разрешена частная собственность на землю сельскохозяйственных угодий) [22, с. 65].

2. Приоритеты развития проблемных регионов в условиях финансового кризиса и меры по модернизации социальной сферы. В результате финансового кризиса в проблемных регионах России существовавшие социально-экономические проблемы стабильного развития только усугубились, в частности, сохраняется тенденция постепенного ухода государства из экономики как её субъекта. Эта тенденция должна быть преодолена в экономически проблемных регионах, где монополизм становится препятствием на пути рыночных производственных отношений и отсутствуют внутренние факторы экономического роста. Помимо прямого финансирования бюджетов развития этих регионов государство должно осуществлять здесь прямое управление наиболее перспективными отраслями и производствами. Проявлением такого рода подспудных попыток является сохранение во многих регионах, в частности в Дагестане, отраслевых министерств и комитетов. Тем не менее последние не справляются с задачей активного влияния на оживление экономического развития вверенных отраслей, прежде всего, по причине отсутствия положений закона о государственном предприятии, гарантирующих обязанности, права и возможности коллектива и общества вмешаться и своевременно обеспечить реструктуризацию предприятия [27, с. 126].

Негативное воздействие макроэкономического регулирования федерального центра проявляется сейчас в регионах, прежде всего, через высокую учетную ставку Центробанка России (10% годовых и выше), которая в условиях дороговизны заёмных денежных ресурсов заставляет их хозяев искать более выгодные непроизводственные варианты их вложений, чем инвестиции в производство. Старение производственного аппарата и недостаток собственных оборотных средств не позволяют предприятиям обновлять производство, добиваться конкурентоспособности, что в конечном итоге снижает эффективность производственных отраслей регионов. Положительными результатами рыночных преобразований в экономиках регионов можно считать только благополучное состояние торговли, обеспечивающей определённое наполнение прилавков, то есть когда предложение превышает платежеспособный спрос. Но и в этой отрасли наряду с улучшением качества обслуживания негативной переменной является то, что торговые наценки выросли с максимальной до 20% в советской госторговле — до диапазона 20–150%, что свидетельствует о значительном снижении народнохозяйственной эффективности отрасли [15, с. 49].

В сельском хозяйстве экономически проблемных регионов СКФО также произошли негативные перемены. Процесс обеспечения эффективности сельского хозяйства в условиях опережающего роста цены машин, топлива и инвестиций по сравнению со стоимостью рабочей силы идёт по технологическому пути минимизации инвестиций и максимизации использования живого труда. Для того чтобы сельское хозяйство проблемных регионов снова стало на путь интенсификации, необходимо по крайней мере в пять раз поднять ставки повременной оплаты труда сельскохозяйственных рабочих, что должно сопровождаться соответствующим ростом технологической культуры аграрного производства, квалификации и производительности труда. Но теневой монополизм доступа сельхозпроизводителя к льготным заёмным инвестициям не позволяет совершить даже малую технологическую революцию в сельском хозяйстве [18, с. 301].

Значительные изменения произошли в инвестиционно-строительном комплексе, которому

отводится значительная роль в программах модернизации экономики проблемных регионов. Если в советский период основным источником инвестиций являлись централизованные госкапвложения, с переходом к рынку это должны были бы стать заемные средства, но стали средства предприятий и населения (50%) и средства бюджетов разных уровней. Заемные средства будут использоваться в большей степени при удержании инфляции до 1 процента и при снижении ссудного процента хотя бы до 3%, а также снижении инвестиционных рисков в регионе. Жилищно-строительный бум нулевых годов послужил главным акселератором опережающего роста ВРП Дагестана, при том, что финансовым источником служат дотации бюджетной сфере [35, с. 139].

Исследования проблемы свидетельствуют о влиянии фаз развития на социальную дифференциацию населения. В условиях улучшения экономической ситуации она растет, так как «волки в оставленном без пастуха стаде все равно своё избыточное возьмут», и государство теряет все ресурсы для её сглаживания, а при появлении дополнительных доходов в бюджете у государства, только обеспечив интересы госаппарата и его сословия, в последней очереди появляется возможность повышать доходы неимущих слоев. Если рассматривать позиции социальных групп как игроков на рынке экономически проблемных регионов, то неимущие слои только выигрывают от кризисов, поскольку их значение в доходах возрастает. Мы не случайно обращаем внимание на дифференциацию доходов населения, поскольку именно высокий её уровень является причиной циклического движения экономики проблемных регионов по порочному кругу бедности.

Возможность макроэкономического регулирования рыночных преобразований определяется степенью соответствия принятым представлениям об организации и функционировании институтов современной рыночной экономики на Западе и, соответственно, выходом благодаря им экономики региона из стадии стагнации на подъем, обеспечивающий населению требуемый уровень доходов. Исходя из этого, можно утверждать, что инструменты макроэкономического регулирования стратегического развития пока не задействованы ни в одной из сфер и отраслей экономики проблемных регионов, и модернизация в них ещё не начиналась [44, с. 33].

Потенциал макроэкономического регулирования модернизации можно оценить по возможным сценариям развития и по результатам по двум направлениям: резервы концентрации ресурсов на более выгодных направлениях и резервы институциональных преобразований. Сценарии модернизации определяются в большей степени политическим потенциалом. Отсутствие возможности населения влиять через выборы на формирование элиты приводит к узурпации власти и использованию её в своекорыстных целях. Поэтому каждое новое правительство в регионах постсоветской России начинает с того, что пытается поделить что-то, что ещё не успели поделить до него. В этих условиях структурные преобразования на поверку оказываются политической игрой, не способствующей улучшению экономической ситуации. Одновременно с каждым годом снижается производственный, трудовой и финансово-инвестиционный потенциал модернизации, которые могли бы вывести экономику страны на подъем. Незначительное улучшение экономической ситуации в стране в нулевые годы объясняется благоприятной конъюнктурой мирового рынка нефти и газа (их цена всё ещё в 10 раз выше ОНЗТ) и укреплением правоохранительных органов государства при президенте Путине [24].

Как сработают эти факторы в ближайшем будущем, это очень трудно спрогнозировать с достаточной степенью вероятности. Благополучию современной ситуации есть контраргументы. Во-первых, промышленные запасы нефти и газа в мире растут быстрее её добычи, а в России снижаются, а, во-вторых, дальнейшее укрепление правоохранительных органов и перевооружение армии ложится тяжелым бременем на неконтрольный российский бюджет и, в конце концов, оборачивается их дальнейшей бюрократизацией, ростом транзакционных издержек, а не сокращением теневой экономики.

При принятии долгосрочной стратегии модернизации экономики экономически проблемного региона необходимо ставить ориентиры производства ВРП на душу населения: достичь среднероссийский уровень (4000 долларов США — к 2020 г.) и среднеевропейский уровень (12000 долларов США — к 2025 г.). Варианты реструктуризации должны предусматривать

возможность достижения ориентиров производства ВРП, прежде всего, через достижение средней производительности труда 12000 долларов США к 2020 г. и 24000 долларов США к 2025 г. Это соответствует зарплате и начислениям на неё 6000 долларов к 2020 г. и 12000 долларов к 2025 г. [31, с. 587–614].

От взвешенности и обоснованности региональной стратегии социально-экономической политики, предусматривающей повышение общественной производительности труда, в т. ч. через опережающий рост значения, объёмов и качества услуг социальной сферы, возможно и будет зависеть не только осуществление стратегии социально-экономического развития проблемного региона, но достижение того невысокого сравнительно с западными странами среднероссийского уровня, который является недостижимым уже десять лет даже при более чем в два раза более высоких темпах развития региональной экономики.

Заключение

Важнейшим стратегическим приоритетом стратегии социально-экономического развития проблемного региона является обеспечение расширенного воспроизводства в социальной сфере [34, с. 214–217]. Для его реализации необходимо первоочередное инвестирование самых коротких воспроизводственных цепочек, начиная с услуг с самой низкой инвестиционной ёмкостью (медпункты, спортплощадки, школьные кафе и т. д.), во взаимосвязи с одновременным развитием высокотехнологических услуг специализированных учреждений путем приоритетного инвестирования новаций, с последующим восстановлением всей цепочки научно-технологического цикла. Учитывая значительное разрушение воспроизводственных цепочек на постсоветском пространстве, закрытия ряда предприятий по производству средств труда в машиностроении, целесообразно налаживать кооперационные связи в Китае, Азербайджане и Белоруссии, а также с другими странами СНГ, брать в лизинг отдельные виды оборудования у лизингодателей в развитых странах с учетом ограничений.

При расширении функций сбережения и инвестирования финансово-кредитной системой социальной сферы экономики и обеспечении устойчивого её экономического роста появится возможность для структурно-инновационной модернизации основного капитала всех отраслей народного хозяйства с учетом их перепрофилирования на обслуживание социальной сферы проблемных регионов. На такой основе будет обеспечена реальная сбалансированность расширенного воспроизводства за счёт дополнения коротких воспроизводственных циклов более длительными. Это позволит восстановить устойчивое накопление в национальной экономике и обеспечить стабильное социально-экономическое развитие за счет приоритетного развития социальной сферы — основного наукоёмкого технологического двигателя расширенного воспроизводства в экономически проблемных регионах России.

Возможен ли экономический рост в отдельном экономически проблемном регионе за счёт ускоренного развития социальной сферы в специфических условиях российского «зазеркалья»? Такой рост обусловлен вызовами глобализации, настоятельно утверждающей новые стандарты жизни, в которых львиную долю факторов составляют услуги и индикаторы, традиционно причисляемые нами к социальной сфере, но нужны новые механизмы социально-экономического развития и ресурсные источники, которые смогли бы обеспечить его в стратегической перспективе в условиях экономически проблемного региона [6].

В развитых странах приоритетным направлением инвестиционной стратегии развития являются вложения в повышение интеллектуального потенциала и улучшение качества социальной и экологической среды обитания человека [1, 2, 3]. Одновременно резко ускоряется инновационный цикл, основой которого являются новые информационные технологии, при существенном увеличении нормы прибыли на капитал. В США, Японии, в странах ЕС постепенно образуется новая системно взаимосвязанная социально-инновационная структура, базирующаяся на инвестировании в развитие человеческого фактора, ускорении инноваций, формировании прогрессивной структуры воспроизводимого богатства и потребления. Экономика России также должна развиваться в соответствии с этим приоритетным направлением инвестиционной политики. Для безопасного стратегического развития страны в территориальном аспекте нужны дополнительные экстренные меры повышения доступности качественных услуг образовательной сферы, стимулирования детности семьи и трудовой миграции из трудоизбыточ-

ных в трудодефицитные регионы. В то же время в регионах СКФО качество образования регулярно снижается, что негативно отражается на социально-экономической безопасности. Необходимо модернизировать образование с ориентацией на шестой технологический уклад [41, с. 16–19]. Всё иное сейчас является только пропуском на работу, но не стратегически востребованным образованием.

Литература

1. Betterley, R. S. *Intellectual Property and Media liability Insurance Market Survey –2013* // THE BETTERLEY Report. 2013. April.
2. Dai, L., Maksimov, V., Gilbert, B. A., Fernhaber, S. A. *Entrepreneurial orientation and international scope : The differential roles of innovativeness, proactiveness, and risk-taking* // Journal of Business Venturing. 2014. Vol. 29. No. 4. P. 511–524.
3. Grande, J., Madsen, E., Borch, O. *The relationship between resources, entrepreneurial orientation and performance in farm-based ventures* // Entrepreneurship & Regional Development. 2011. Vol. 23. No. 3–4. P. 89–111.
4. Lejpras, A. *Knowledge, location, and internationalization : empirical evidence for manufacturing SMEs* // Economics of Innovation and New Technology. 2015. Vol. 24. Issue 8. P. 734–754.
5. Zazdravnykh, Ye. A. *Why there are more entrepreneurs-manufacturers in one regions and less in others : an empirical evidence* // the Economic of region. 2014. No. 3. С. 140–146.
6. Абасова, Х. У. *Диверсификация занятости на основе многофункционального развития сельских территорий* // Вопросы структуризации экономики. 2012. № 1. С. 60–61.
7. Абдулаев, Ш. С. О., Садыкова, А. М. *О региональной экономической политике* // Региональные проблемы преобразования экономики. 2008. № 4. С. 2.
8. Абдулманапов, П. Г. *Демографическая безопасность регионов Северо-Кавказского федерального округа России* // Региональные проблемы преобразования экономики. 2012. № 1. С. 353–365.
9. Абдулманапов, С. Г., Хаджалова, Х. М. *Концептуальные основы и программные мероприятия повышения качества жизни населения в Республике Дагестан* // Региональные проблемы преобразования экономики. 2011. № 3. С. 73–78.
10. Абуганипаев, И. А. *Маркетинговая стратегия управления формированием и развитием туристско-рекреационного комплекса* // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 8. С. 196–203.
11. Айгубов, С. З. *Анализ и оценка возможных перспективных сценариев социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа* // Экономика и предпринимательство. 2013. № 12–2(41–2). С. 243–247.
12. Амадиева, Н. А. *Потенциал и проблемы использования возобновляемых источников энергии в Республике Дагестан и СКФО* // Региональные проблемы преобразования экономики. 2015. № 3 (53). С. 24–30.
13. Амирова, Э. А. *Анализ особенностей социально-экономической дифференциации развития регионов СКФО* // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 9. С. 119–123.
14. Андреев, В. Н. *Система стратегического управления развитием экономики региона : проблемы научного обеспечения* // Экономика и управление. 2012. № 10. С. 29–32.
15. Арсланов, Ш. Д., Идиев, Г. И., Арсланова, Х. Д., Рабаданова, А. А. *К вопросу развития инвестиционной политики в Республике Дагестан* // Вопросы структуризации экономики. 2013. № 4. С. 48–49.
16. Ахмедуев, А. Ш., Абдуллаева, З. З. *К вопросу определения структуры теневой экономики* // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 11-1. С. 59–61.
17. Ахмедуев, А. Ш., Абдуллаева, З. З. *Проблемы и механизмы обеспечения экономической безопасности Республики Дагестан* // Национальные интересы : приоритеты и безопасность. 2010. № 34. С. 44–53.
18. Ахмедуев, А. Ш., Рабаданова, А. А. *Стратегическое планирование и управление развитием экономики регионов Северо-Кавказского федерального округа* // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2010. № 39. С. 99–106.
19. Ахмедуев, А. Ш., Рабаданова, А. А. *Стратегическое управление социально-экономическим развитием региона*. — М. : Экономика. 2013.
20. Багомедов, М. А. *Социально-демографические приоритеты формирования и развития Махачкалинско-Каспийской агломерации* // Вопросы структуризации экономики. 2013. № 4. С. 6.
21. Багомедов, М. А., Мусаева, А. З. *Проблемы улучшения социального обслуживания в регионе* // Экономические науки. 2010. № 71. С. 134–140.
22. Баширова, А. А. *Анализ экологической ситуации субъектов Северо-Кавказского федерального округа в рамках реализации стратегии регионального развития* // Региональные проблемы преобразования экономики. 2011. № 3. С. 57–66.
23. Варшавский, А. Е. *Роль макроэкономической политики в определении спроса на инновации* // Концепции. 2013. №1 (30).
24. Виханский, О. С. *Стратегическое управление*. — М. : Гардарики. 1998.
25. Воропинова, О. А., Мовсеян, Г. Г. *Особенности экономического потенциала субъектов Северо-Кавказского федерального округа* // Социальная политика и социология. 2011. № 4. С. 229–246.
26. Гаджиева, А. Г. *Инфраструктурные возможности формирования и развития рынка труда* // Вопросы структуризации экономики. 2013. № 4. С. 289–291.
27. Гасанов, М., Багомедов, М. *Рынок : инфраструктура и финансовая устойчивость* // Вопросы экономики. 1999. № 10. С. 125.

28. Герасимов, А. Н., Громов, Е. И., Шаталова, О. И. Ресурсный потенциал как фактор социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа // *Экономика и предпринимательство*. 2013. № 2. С. 477–482.
29. Гимбатов, Ш. М. Экономический кризис и трансформация миграционных связей // *Вопросы структурной экономики*. 2009. № 2. С. 83–85.
30. Гичиев, Н. С., Суракатов, Н. С. Внешнеэкономическая интеграция субъектов Северо-Кавказского федерального округа : эконометрическое моделирование взаимосвязи параметров внешней торговли и инвестиционного потенциала региона // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2011. № 4. С. 322–331.
31. Глазьев, С. Ю., Локосов, В. В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // *Вестник Российской Академии наук*. 2012. Т. 82. № 7. С. 587–614.
32. Голова, И. М. Обоснование стратегических приоритетов обеспечения инновационной безопасности регионального развития // *Экономика региона*. 2014. № 3. С. 218–232.
33. Дацаева, Р. Ш., Зелимханова, Н. З. Проблемы и перспективы социально-экономического развития регионов СКФО и ЮФО // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2014. № 1(39). С. 21–25.
34. Деневизюк, Д. А. Особенности формирования и основные приоритеты социальной политики // *Вопросы структурной экономики*. 2008. № 2. С. 214–217.
35. Дохолян, С. В. Стратегический подход к формированию и реализации региональной социально-экономической политики. // *Экономика и предпринимательство*. 2013. № 9 (38). С. 139–143.
36. Дохолян, С. В., Петросянци, В. З., Садыкова, А. М. Социально-экономическая политика региона : теоретико-методологический подход // *Апробация*. 2014. № 9. С. 24–36.
37. Друкер, П. Ф. Бизнес и инновации. — М. : Вильямс. 2009.
38. Измаилова, Н. М. Влияние рекреационного туризма на развитие экономики Северо-Кавказского федерального округа // *Экономические и гуманитарные науки*. 2012. № 2. С. 93–96.
39. Измаилова, Н. М. Влияние рекреационного туризма на развитие экономики Северо-Кавказского федерального округа // *Экономические и гуманитарные науки*. 2012. № 2. С. 93–96.
40. Каркавин, М. В. Концептуальные подходы к стратегическому управлению социально-экономическим развитием малых и средних городов. — URL : [www/elibrary.ru](http://www.elibrary.ru).
41. Кутаев, Ш. К. Востребованное образование как условие развития региональной экономики // *Апробация*. 2014. № 7. С. 16–19.
42. Маслова, Т. Н., Суспицына, Г. Г., Холопенкова, Е. В. Основной капитал и проблемы его воспроизводства в Северо-Кавказском регионе // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2014. № 4. С. 161–169.
43. Модернизация и экономическая безопасность России ; под ред. акад. Н.Я. Петракова. Т. 5. — М. ; СПб. : Нестор – История, 2014.
44. Осокин, А. Е. Особенности устойчивого социально-экономического развития региона СКФО // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2010. № 3. С. 24–36.
45. Петросянци, В. З., Дохолян, С. В., Елисеева, Е. М. Экономические проблемы развития северокавказских республик // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2012. № 2. С. 19–28.
46. Петросянци, В. З., Дохолян, С. В., Ниналалова, Л.Г. Модель устойчивого экономического роста субъектов Северо-Кавказского федерального округа // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2014. № 5 (43). С. 33–42.
47. Рабаданова, А. А. Механизм реализации стратегии социально-экономического развития региона // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2010. № 2. С. 36–43.
48. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015 : стат. сб. / Росстат. — М., 2015.
49. Сагидов, Ю. Н. Социально-трудовые отношения : основные аспекты актуальности // *Вопросы структурной экономики*. 2010. № 2. С. 9–10.
50. Сангадиева, И. Г. Стратегическое управление региональными социально-экономическими системами // *Известия ИГЭА*. 2005. № 1(42).
51. Сергеев, С. И., Киреева, Ю. Н., Элова, Г. В. Основные проблемы развития позиционирования Северо-Кавказского федерального округа на глобальном рынке туристских услуг // *Бизнес в законе*. 2014. № 5. С. 310–314.
52. Хаджалова, Х. М. Качество жизни как критерий оценки в системе управления регионального развития // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2014. № 3. С. 47–56.
53. Хаджалова, Х. М. Теоретико-методологические основы исследования качества жизни // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2013. № 1 (35). С. 435–441.
54. Хапаев, И. Б., Барташевич, А. А. Сельскохозяйственный сектор как экономическая категория развития Северо-Кавказского федерального округа // *Экономика и предпринимательство*. 2013. № 11. С. 239–241.
55. Чайников, В.Н. Стратегическое управление конкурентоспособностью региона. — URL : www.science-bsea.bgita.ru.
56. Эрхард, Л. Благосостояние для всех : репринт. воспроизведение ; пер. с нем. ; предисл. Б.Б. Багаряцкий, В.Г. Гребенников. — М. : Начала-Пресс. 1991.
57. Юнусова, П. С. Особенности формирования системы продовольственной безопасности региона // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2008. № 2. С. 126–136.

References:

1. Betterley, R. S. Intellectual Property and Media liability Insurance Market Survey-2013 // *THE BETTERLEY Report*. 2013. April.

2. Dai, L., Maksimov, V., Gilbert, B. A., Fernhaber, S. A. *Entrepreneurial orientation and international scope : The differential roles of innovativeness, proactiveness, and risk-taking // Journal of Business Venturing*. 2014. Vol. 29. No. 4. P. 511–524.
3. Grande, J., Madsen, E., Borch, O. *The relationship between resources, entrepreneurial orientation and performance in farm-based ventures // Entrepreneurship & Regional Development*. 2011. Vol. 23. No. 3–4. P. 89–111.
4. Lejpras, A. *Knowledge, location, and internationalization: empirical evidence for manufacturing SMEs // Economics of Innovation and New Technology*. 2015. Vol. 24. Issue 8. P. 734–754.
5. Zazdravnykh, Ye. A. *Why there are more entrepreneurs-manufacturers in one regions and less in others : an empirical evidence // Economic of region*. 2014. No. 3. P. 140–146.
6. Abasova, H. U. *Diversification of employment on the basis of multipurpose development of rural territories // Questions of structurization of economy*. 2012. No. 1. P. 60–61.
7. Abdullaev, Sh. C. O., Sadykova, A. M. *About regional economic policy // Regional problems of transformation of economy*. 2008. No. 4. P. 2.
8. Abdulmanapov, P. G. *Demographic safety of regions of the North Caucasian federal district of Russia // Regional problems of transformation of economy*. 2012. No. 1. P. 353–365.
9. Abdulmanapov, S. G., Hadzhalova, H. M. *Conceptual bases and program actions of improvement of quality of life of the population in the Republic of Dagestan // Regional problems of transformation of economy*. 2011. No. 3. P. 73–78.
10. Abuganipayev, I. A. *Marketing strategy of management of formation and development of a tourist and recreational complex // Regional problems of transformation of economy*. 2014. No. 8. P. 196–203.
11. Aygubov, P. Z. *Analysis and assessment of possible perspective scenarios of social and economic development of the North Caucasian Federal District // Economy and business*. 2013. No. 12-2(41-2). P. 243–247.
12. Amadziyeva, N. A. *Potential and problems of use of renewables in the Republic of Dagestan and North Caucasus federal district // Regional problems of transformation of economy*. 2015. No. 3 (53). P. 24–30.
13. Amirova, E. A. *Analysis of features of social and economic differentiation of development of regions of North Caucasus federal district // Regional problems of transformation of economy*. 2014. No. 9. P. 119–123.
14. Andreyev, V. N. *System of strategic management of development of economy of the region : problems of scientific providing // Economy and management*. 2012. No. 10. P. 29–32.
15. Arslanov, Sh. D., Idziyev, G. I., Arslanova, H. D., Rabadanova, A. A. *To a question of development of investment policy in the Republic of Dagestan // Questions of structurization of economy*. 2013. No. 4. P. 48–49.
16. Akhmeduyev, A. Sh., Abdullaeva, Z. Z. *To a question of definition of structure of a hidden economy // the International magazine of applied and basic researches*. 2014. No. 11-1. P. 59–61.
17. Akhmeduyev, A. Sh., Abdullaeva, Z. Z. *Problems and mechanisms of ensuring economic security of the Republic of Dagestan // National interests : priorities and safety*. 2010. No. 34. P. 44–53.
18. Akhmeduyev, A. Sh., Rabadanova, A. A. *Strategic planning and management of development of economy of regions of the North Caucasian Federal District // Bulletin of the Dagestan scientific center of RAS*. 2010. No. 39. P. 99–106.
19. Akhmeduyev, A. Sh., Rabadanova, A. A. *Strategic management of social and economic development of the region. — M. : Economy*. 2013.
20. Bagomedov, M. *Social and demographic priorities of formation and development of the Makhachkala and Caspian agglomeration // Questions of structurization of economy*. 2013. No. 4. P. 6.
21. Bagomedov, M. A., Musayeva, A. Z. *Problems of improvement of social service in the region // Economic sciences*. 2010. No. 71. P. 134–140.
22. Bashirova, A. A. *The analysis of an ecological situation of subjects of the North Caucasian Federal District within realization of strategy of regional growth // Regional problems of transformation of economy*. 2011. No. 3. P. 57–66.
23. Warsawsky A.E. *A role of macroeconomic policy in definition of demand for innovations // Concepts*. 2013. № 1 (30).
24. Vikhansky, O. S. *Strategic management. — M. : Gardarika*, 1998.
25. Voropinova, O. A., Movsesyan, G. G. *Features of economic potential of subjects of the North Caucasian Federal District // Social policy and sociology*. 2011. No. 4. P. 229–246.
26. Gadzhiyev, A. G. *Infrastructure opportunities of formation and development of labor market // Questions of structurization of economy*. 2013. No. 4. P. 289–291.
27. Gasanov, M., Bagomedov, M. *Market : infrastructure and financial stability // Questions of Economy*. 1999. No. 10. P. 125.
28. Gerasimov, A. N., Gromov, E. I., Shatalova, O. I. *Resource potential as factor of social and economic development of the North Caucasian federal district // Economy and business*. 2013. No. 2. P. 477–482.
29. Gimbatov, Sh. M. *Economic crisis and transformation of migratory communications // Questions of structurization of economy*. 2009. No. 2. P. 83–85.
30. Gichiyev, N. S., Surakatov, N. S. *External economic integration of subjects of the North Caucasian Federal District : econometric modeling of interrelation of parameters of foreign trade and investment capacity of the region // Regional problems of transformation of economy*. 2011. No. 4. P. 322–331.
31. Glazyev, S. Yu., Lokosov, V. V. *Value of extremely critical values of indicators of a condition of the Russian society and them use in management of social and economic development // Bulletin of the Russian academy of sciences*. 2012. V. 82. No. 7. P. 587–614.
32. Golova, I. M. *Justification of strategic priorities of ensuring innovative safety of regional growth // Region Economy*. 2014. No. 3. P. 218–232.
33. Datsayeva, R. Sh., Zelimkhanov, N. Z. *Problems and prospects of social and economic development of re-*

- gions of North Caucasus federal district and Southern Federal District // *Regional problems of transformation of economy*. 2014. No. 1(39). P. 21–25.
34. Deneviziuk, D. A. Features of formation and main priorities of social policy // *Questions of structurization of economy*. 2008. No. 2. P. 214–217.
35. Dokholyan, S. V. Strategic approach to formation and realization of regional social and economic policy // *Economy and business*. 2013. No. 9 (38). P. 139–143.
36. Dokholyan, S. V., Petrosyants, V. Z., Sadykova, A. M. Social-economic of the policy of the region: theoretical and methodological approach // *Approbation*. 2014. No. 9. P. 24–36.
37. Druker, P. F. *Business and innovations*. — M. : Williams. 2009.
38. Izmailova, N. M. Influence of recreational tourism on development of economy of the North Caucasian Federal District // *Economic and humanities*. 2012. No. 2. P. 93–96.
39. Izmailova, N. M. Influence of recreational tourism on development of economy of the North Caucasian Federal District // *Economic and humanities*. 2012. No. 2. P. 93–96.
40. Karkavin, M. V. Conceptual approaches to strategic management of social and economic development of the small and average cities. — URL : www.elibrary.ru.
41. Kutayev, Sh. K. Demanded education as condition of development of regional economy // *Approbation*. 2014. No. 7. P. 16–19.
42. Maslova, T. N., Suspitsyn, G. G., Holopenkova, E. V. Fixed capital and problems of its reproduction in North Caucasus region // *Urgent problems of economy and the right*. 2014. No. 4. P. 161–169.
43. *Modernization and economic security of Russia ; under the editorship of the academician N. Ya. Petrakov*. T. 5. — M. ; SPb. : Nestor – History, 2014.
44. Osokin, A. E. Features of steady social and economic development of the region of North Caucasus federal district // *Regional problems of transformation of economy*. 2010. No. 3. P. 24–36.
45. Petrosyants, V. Z., Dokholyan, S. V., Yelisseyev, E.M. Economic problems of development of the North Caucasian republics // *Regional problems of transformation of economy*. 2012. No. 2. P. 19–28.
46. Petrosyants, V. Z., Dokholyan, S. V., Ninalalova, L. G. Model of sustained economic growth of subjects of the North Caucasian Federal District // *Regional problems of transformation of economy*. 2014. No. 5 (43). P. 33–42.
47. Rabadanova, A. A. Mechanism of realization of strategy of social and economic development of the region // *Regional problems of transformation of economy*. 2010. No. 2. P. 36–43.
48. *Regions of Russia : Socio-economic indexes*. 2015 : stat. coll. / Rosstat. — M, 2015.
49. Sagidov, Yu. N. Social and labor relations : main aspects of relevance // *Questions of structurization of economy*. 2010. No. 2. P. 9–10.
50. Sangadiyeva, I. G. Strategic management of regional social and economic systems // *IGEA News*. 2005. No. 1(42).
51. Sergeev, S. I., Kireeva, Yu. N., Elova, G. V. The main problems of development of positioning of the North Caucasian Federal District in the global market of tourist services // *Business in the law*. 2014. No. 5. P. 310–314.
52. Hadzhalova, H. M. Quality of life as evaluation criterion in a control system of regional growth // *Regional problems of transformation of economy*. 2014. No. 3. P. 4.
53. Hadzhalova, H. M. Theoretic and methodological basics of a research of quality of life // *Regional problems of transformation of economy*. 2013. No. 1 (35). P. 435–441.
54. Napayev, I. B., Bartashevich, A. A. Agricultural sector as economic category of development of the North Caucasian Federal District // *Economy and business*. 2013. No. 11. P. 239–241.
55. Chaynikov, V. N. Strategic management of competitiveness of the region. — URL : www.science-bsea.bgita.ru.
56. Erhard, L. *Welfare for all : reprint. reproduction : the transl. by German ; preface B. B. Bagaryatsky, V. G. Grebennikov*. — M. : Nachala-Press. 1991.
57. Yunusova, P. S. Features of formation of system of food security of the region // *Regional problems of transformation of economy*. 2008. No. 2. P. 126–136.